

I. ROZPRAWY I ANALIZY

Галина И. Кабакова
(Париж)

КОНЦЕПТ ЧЕСТИ В РИТУАЛЕ ГОСТЕПРИИМСТВА

Pojęcie ros. *čest'*, łączone początkowo w języku rosyjskim z materialnym wynagrodzeniem za usługi okazane suwerenowi, pozostawało w kontraście ze sławą jako wartością wyłącznie duchową. Z czasem różnice między nimi zacieśniały się: w epoce klasycyzmu pojęcia te były synonimami, w dobie Oświecenia *čest'* kojarzono z odchodzącą epoką.

Mając na uwadze te różnice, autorka analizuje materiały Tieszeniewskiego archiwum i stawia pytania o to, jak chłopci chronią swoją cześć, a w czym upatrują brak czci. Zauważa, że koncept czci zawiera się w szeregu prawideł, które tworzą swego rodzaju niepisany kodeks. W kontekście przyjmowania gości *čest'* jest łączona z określonym porządkiem zapraszania, przyjmowania, gościńcem, ugaszczaniem, a także usadzaniem za stołem. W przysłowiach ujawnia się także wyraźny związek konceptu czci z pojęciem *WOLI* jako innym ważnym pojęciem rosyjskiej tradycyjnej kultury (por. *Gostju čest', koli volja est'*).

Pojęcie czci aktualizuje się podczas każdej uroczystości, łączy się z materialnymi przedmiotami (poczesne miejsce, specjalne potrawy), uczestnikami (gośćmi) i niematerialnymi (zapraszanie, spotkanie, szacunek, prawidłowy przebieg uczyty). Gospodarz demonstruje szczodrość i życzliwość. Gość powinien przyjąć dary, tym samym okazując cześć gospodarzowi-darczyńcy.

SŁOWA KLUCZOWE: godność, gościnność, rosyjska etykieta językowa

Честь и слава

В свое время Ю. М. Лотман в статьях «Об оппозиции честь-слава в светских текстах Киевского периода» и «Еще раз о понятиях „сла-

ва” и „честь” в текстах Киевского периода», анализируя функционирование понятия чести в Киевской Руси, подчеркнул различие между честью, которая выступает материальным вознаграждением за оказанные сюзеру услуги, и славой, которая является духовной ценностью. Со временем это противопоставление стирается, и в эпоху классицизма оба понятия становятся почти синонимами. В эпоху Просвещения понятие чести теряет свою содержательность и воспринимается как атрибут уходящей эпохи. Для нас важным представляется и другой аспект концепта чести¹. Честь участвует в процессе обмена, установления социальных отношений. Честь, неотъемлемо связанная с материальными почестями, функционирует прежде всего по вертикальной оси. Слава же, наоборот, реализуется по горизонтали, между равными в социальном плане индивидами, кроме того, в отличие от чести, она способна длиться во времени (Лотман 1993а, Лотман 1993b)².

Публикация материалов Тенишевского архива позволяет уточнить наши представления о чести в русском крестьянском сообществе конца XIX века. Прежде чем перейти к описанию гостеприимства, корреспондентам предлагалось ответить на вопросы «Как крестьяне оберегают свою честь и в чем усматривается обесчещение? Чем приобретает уважение других и чем навлекается презрение?» (Быт 1993: 379–380). Из ответов корреспондентов возникает образ общества, в котором деньги, богатство постепенно становятся основной ценностью. Материалы Тенишевского архива представляют гостеприимство все более заинтересованным и все менее безусловным. Оно все реже воспринимается как христианская добродетель³, а все чаще как способ налаживания и поддержания социальных связей; как говорит пословица: *От кого чают (чаем), того и величают (величаем)* (Даль 4: 585; Русские крестьяне 3: 480). Поэтому самым эффективным способом *быть на почете и на славе*, то есть

¹ Мы используем термин концепт как понятие обыденной философии, являющийся результатом взаимодействия многочисленных культурных факторов (национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт и т.п.).

² За последние годы к концепту чести в русской культуре обращались не раз: Kollmann N. S., *By honor bound: State and society in early modern Russia*, Ithaca, Londres, 1999; Борисов С. Б., *Честь как феномен российского политического сознания*, Шадринск, 2001. К концепту чести в русской языковой картине мира не раз обращался В. В. Колесов, *Слово и дело: Из истории русских слов*, Санкт-Петербург, 2004; *Русская ментальность в языке и тексте*, Санкт-Петербург, 2007. Ср. также неопубликованную диссертацию С. Териной, *Древнерусский концепт честь и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»*, Тольятти, 2007.

³ Напомним, что в «Домострое» подчеркивалось сакральное измерение приема: *Ино в Богу дар, а добрым людем в честь* (Домострой 1990: 45–46).

пользоваться уважением окружающих, считалось общение с властью имущими⁴.

Тем не менее традиционные ценности вроде щедрости, верности данному слову⁵, безупречного поведения, по-прежнему входят в понятие чести. Обвинение в воровстве и низости воспринимается как страшное оскорбление и может послужить поводом для жалобы (Русские крестьяне 1: 132, 273; 5/2: 25). Несмотря на врожденную нелюбовь к судам, русский крестьянин готов заявить на обидчика, позволившего себе критиковать его семью (калуж., Русские крестьяне 3: 382). Подобное понимание чести, как и представление о том, что легкомысленное поведение жены или дочерей ложится пятном на мужскую честь (ярослав., Русские крестьяне 2/1: 156), заставляют вспомнить типологию чести, выстроенную Джулианом Питт-Риверсом для испанского общества. Для испанцев женская честь – это репутация женщины, основанная на ее сексуальном поведении, тогда как мужская честь ассоциируется со способностью сохранять и приумножать символический капитал, полученный от предков вместе с именем (Pitt-Rivers 1983: 114).

Содержание концепта чести раскрывается в ритуале приема гостей и его терминологии. Отступление от кодекса чести, обязательного и для хозяина, и для гостя, расценивается как бесчестье. Поэтому крестьяне, сообщают корреспонденты Тенишевского архива, готовы потратить последние сбережения, забыть все свои прочие обязательства, вроде уплаты налогов, лишь бы не упасть в грязь лицом перед гостями. При этом особенно критической представляется ситуация хозяина, которому предстоит сыграть свадьбу (Русские крестьяне 5/2: 655). Бесчестьем для хозяина считается и непосещение его дома в положенные дни. Например, зять почувствует себя оскорбленным, если теща не посетит его в первый после свадьбы Петров день (волог., Русские крестьяне 5/4: 287).

Концепт чести содержится в ряде правил, которые вместе составляют неписаный кодекс чести. Так, к примеру, отправившись на престольный праздник, следовало начать посещение домов с родственников. Пренебрежение родственниками, посещение чужих в ущерб своим воспринимается как отступление от кодекса чести, позорящее и того,

⁴ Вот как оценивают деревенского богача: «Да где ж нам за богачом тягаться, у него не с наше денег-то. Он вон с писарем гоститсе, старшина за руку здоровается. С попом вот подружился. Ще и поп, поди, придет в гости» (волог., Русские крестьяне 5/1: 592–593).

⁵ То же представление содержится в пословице *Честь чести на слово верит* (Традиционный фольклор 2006: 41).

кто его совершает, и того, кто становится его жертвой. И формируется оно через родственное понятие *слава*: *славу наносить* (помор., Дуров 2011: 380), *делать (такую, эту) славу* (волог.)⁶, то есть позорить.

Застольные почести

В контексте застолья честь выступает синонимом порядка: «Вот пирагоф напикуть, значить сваи придуть ф праздник, сваи и значить чай, чай папьють, пагаварять, фсё как *честь-начесть*» (тамбов.), ср. также наречие *честью* ‘правильно’ (волог., <http://tsu.tmb.ru/kraeved/upload/dir/bibl/govor/accent/text43.htm>; СВГ 12: 38). Этот порядок охватывает все элементы гостеприимства: приглашения, приветствия, гостинцы, угощение, а также и правильную рассадку за столом.

В средневековых текстах встречается выражение *звать на честь*. Так, в «Повести временных лет», читаем «Зоветь вы Ольга на честь велику». В былинах возникает этикетная формула *честь милость*: «Чести милости просил: „А ты выкушай купчинка, ты московский молодчинка”» (смолен., калуж., СРНГ 32: 231). В диалектах используются выражения *приложить честь* ‘пригласить’ (Даль 4: 599), *звать честь* ‘то же’ (рус. говоры Белоруссии, Манаенкова 1989: 221), *почивать* ‘зывать, уговаривать’ (костром., ЛКТЭ), *почица* ‘приглашение сесть за стол’ (новгород., НОС 8: 164). После общей молитвы гости *дожидаются чести*, то есть момента, когда хозяин усадит их за стол (владимир., Быт 1993: 180).

Само пребывание в гостях воспринимается как принятие оказанной чести: *идти на честь* ‘идти в гости’, *быть на чести* ‘быть в гостях’ (рус. говоры Белоруссии, Манаенкова 1989: 223). В свою очередь гость оказывает честь хозяевам своим приходом, поэтому приветственная формула хозяев может звучать так: «*Опочестили* нас, вот как рады-радешеньки приходу вашему» (помор., Гемп 2004: 521). Войдя, гость

⁶ Текст записан Е. Публичук в июле 2008 г. в Оште (Вологодская обл.). Отец наставляет свою дочь, которая собирается погостить в другую деревню: «Смотри, пойдёшь в деревню туда в Тупшозеро, дак в первую очередь, смотри, иди либо к дяде Феде, или к тётке Наташе иди. Чтобы к чужим с дороги придёшь – ни к кому не шла. Не *сделай такой славы*, что приехала... этого, пришла (приехать не на чем было), пришла на праздник и ушла к чужим сразу. Этой *славы* никогда *не делай*. Приди, поздоровайся, если чаем напоят, дак пусть... попьёшь чаю. А потом хоть весь праздник больше к своим не показывайся, нужды нету. Вот ещё такое было. Как бы вот друг друга вот настолько уважали. Чтобы к чужим не приходили. Вот теперь, дак куда хочут, туда и идут. Нужды нет, хоть свой, хоть чужие, пошли да и пошли. А вот тогда ещё вот это было. У нас папа каждый раз помнил мне».

воздаёт честь высшим силам, что охраняют дом, прежде чем поприветствовать самих хозяев: «Мы прежде по-христиански Господу Богу честь отдадим, помолимся. Теперь вам, мир честной компании! Здравствуй, хозяин с хозяйшккой, и гости хозяйские.» (ярослав., Русские крестьяне 2/1: 570). Гость кроме икон и хозяев чествует также и событие, которое послужило поводом для его прихода: «С наступающим праздником! Честному празднику честь и радость, а хозяевам доброго здоровья!» (волог., Русские крестьяне 5/3: 380).

В застолье главным элементом является угощение – материальное воплощение понятия честь. Гость может выразить свое почтение в том числе и с помощью гостинца, который называется *почесть* (перм., Даль 3: 372)⁷. Производные от *чест-* обозначают не только действия, непосредственно предшествующие застолью, но и сам факт потчевать, угощать гостей: *чествовать*, *чѣствовать* ‘приглашать’ и ‘угощать’ (мурман.), *честовать* (рус. говоры Белоруссии, Манаенкова 1989: 221), *до-чѣствовать* (арханг., СРГК 1: 503), *почѣствовать*, *учестьять* ‘угощать’, *честить* ‘кормить, поить гостя, проявляя радушие, гостеприимство’ (арханг., карел., СРГК 5: 127; 6: 670; 782–783), *чествовать*, *чѣствовать* (чит., арханг., СРГЗ: 451; КАОС⁸), *учестьить* (ярослав., вятк., ЯОС 10: 25; Васнецов 1907: 331), *очестить* (свердл., арханг., новгород., пск., КЭИС; СРНГ 25: 66; СРГК 4: 353). Глагол *потчевать* (*потчить*, *почтовать*, *поштовать*, *подчивать*) (СРНГ 31: 20; СРДГ 3: 50; СРГА 3/2: 106) также этимологически связан с *чѣстити* (Фасмер 3: 346).

В свою очередь угощение представлено лексически как выражение оказанной чести: *почет* (вят., СРНГ 31: 8), *почести*, *честь* (арханг., Подвысоцкий 1885: 135). Это значение может реализоваться в архангельской этикетной формуле приглашения гостей за стол и в формуле угощения: «Кушайте гости, вся *честь* на столе» (Полинская, КА–2004), «Кушайте, госьти, *фся честь на столе*. Э то зна чит, угощяю вас почесному, ничево не жалею (все лучшее на столе)», «А раньшэ госьтей соберут и фсѣ выложат, скажут: кушайте госьти, *фся честь на столе*, на больших пирогах не осудите» (КАОС), «Садитесь, вся *честь* на столе!» (Мороз 2008: 42), *Пейте – фся честь на столе* (КАОС).

В некоторых традициях *почесть* – это угощение, обильное и дорогое, которое хозяева заготавливают для своих гостей загодя (карел., иркут., СРГК 4: 353; 5: 127; 6: 670; СРНГ 31: 6). Иногда *честь* имеет и более специальное значение – это особое блюдо, приготовленное

⁷ В этом говоре слово значит также и ‘пир’.

⁸ Например, «Берите, я веть не умею чествовать, берите сами, сами хозяйева» (КАОС).

исключительно для почетного гостя, главное блюдо на свадебном пиру – большой кусок мяса или свиная голова (волог., Иваницкий 1890: 107; Русские крестьяне 5/4: 533). Такие блюда, называемые *почетные*, *почечные кушанья*, подаются на пиру в первую очередь семье и уважаемым людям (калуж., СРНГ 31: 5, 10)⁹. Почетное блюдо, например, свиная голова, подаваемая всем гостям в конце пира, может называться *чистя* (рязан., Морозов, Слепцова 2001: 338). Путем деривации от *чести* образовано и название тех родственников невесты, которым поручено внести эту почетную свиную голову – *чещане* (волог., Русские крестьяне 5/3: 505), хотя в этом случае, видимо, речь идет и об угощении, и о самой невесте (об этом ниже).

Понятие чести регламентирует не только пространственные параметры приема, но и временные: ср. *начеститься* ‘долго пробыть в гостях, нагоститься’ (арханг., СРНГ 20: 285). Законы гостеприимства предполагают, что гость должен оставаться гостем, то есть должен своевременно покинуть гостеприимный дом, в противном случае общение может выйти за рамки гостеприимства и приобрести иной характер.

Это правило также формулируется со ссылкой на честь, которая выступает синонимом меры. Правильный гость не должен засиживаться, а в конце приема должен встать и распрощаться, использовав традиционную формулу: «Пора и честь знать», не дожидаясь, когда она будет произнесена хозяином. В противном случае гость переходит в категорию нежелательных посетителей, и о кодексе чести ему напомнят хозяева: «Это не гостья, а выгостья. Пора бы выгостье и *честь* знать» (нижегор., СРНГ 5: 269).

Кодекс чести обязателен и для гостей, и для хозяев, ср. *очес* ‘честь, знание, соблюдение приличий’ (вят., Васнецов 1907: 193). Гость согласно этому кодексу должен быть вежливым по отношению к хозяевам, не теряющим чувства меры: *очестливый*, *очёстливый*, *очестливетый* (перм.), *очестной*, *очестный* (ср. «*Очестливой* – знающий честь, вежливый какой! Ведь по-маленечку ест», вят., Васнецов 1907: 193; СРНГ 25: 66–67), *почётный* (моск., СРНГ 31: 9). Но и хозяина также характеризуют с помощью концепта чести, неслучайно среди многих характеристик гостеприимного хозяина встречаются и такие, как *чёстоватый* (арханг., СРГК 6: 783), *почестливый* (Карелия, СРГК 5: 127), *честливый* (алт., СРГА 4: 215) и др.

⁹ С.-рус. *почётный* может относиться к вкусному блюду и вне контекста застолья (КСГРС).

Честь в пословицах

Пословицы на свой лад трактуют соотношение между материальными и символическими составляющими концепта честь в контексте застолья. В пословичном дискурсе почести несводимы лишь к угощению, они предполагают и почетное место в застолье как главное выражение уважения к гостю, ср. *Звали меня на честь, посадили меня на печь – пойдём Федора домой, пошли фсе ребятишки* (т.е. уходим отсюда, нас здесь плохо принимают) (арханг., КАОС). Пословицы стремятся либо свести воедино эти две основные составляющие (угощение и место) или, наоборот, противопоставить их: *Честь да место, а за пивом пошлем* или *Честь пива дороже*. Гостя нельзя удовлетворить одним только нематериальным выражением почета: *Честь добра, да свесть нельзя* (Даль 4: 599); *Не любя и честь, коли нечего есть* (Снегирев 1999: 188). Впрочем для пословицы социальное измерение приема гостей представляется более важным моментом, чем утоление голода и жажды: *Кому любя честь, тому бы в передний угол сесть; а голодного, хоть за порог, только дай пирог* (Даль 4: 599). При этом пословица высмеивает того, кто не знает своего места в обществе, а значит за столом, и предъявляет слишком большие претензии: *Дадут дураку честь, так не знает, где и сесть* (Даль 4: 599). С помощью этих пословиц, подчеркивающих важность пространственного распределения, хозяева оправдывают разное обращение с гостями зваными и незваными: *Званому гостю и место и почет, незваному – как Бог велит* (Даль 4: 681); *Не званый гость – не пасона (= пасти) и честь, хорошы гостьи ходят сами, их не зовут по три раза* (арханг., КАОС). Честь в этом контексте может восприниматься как синоним статуса: *Хлеб-соль есть, да не про вашу честь* (Даль 4: 599). Пословицы и поговорки словно настаивают на символическом значении угощения: его малое количество подается как более адекватное выражение чести: *Много – жырно, а маловато – чёсно* или *Много сытно, мало чёсно. Чёсно – как угостить маленько да и хватит* (арханг., КАОС).

В пословичном дискурсе концепт чести неотделим от другого важного понятия русской традиционной культуры – воли. Пословица утверждает, что гостю хорошо только, пока он сохраняет свободу действия: *Гостю честь, коли воля есть; В чем гостю воля, в том ему и честь (почет)* (Даль ПРН 3: 280), *Ох, быть ты трою, честь предложэна, а воля не отнята, не хош приходить – не ходи* (арханг., КАОС). Последняя пословица была произнесена, когда женщина отклонила приглашение на свадьбу, сославшись на свою бедность. Обычно такие по-

словицы произносятся хозяином, который тем самым как бы отказывается себе в праве принуждать гостей. В действительности же эти утверждения остаются чисто декларативными, поскольку застольный кодекс чести предполагает некоторое насилие над гостями, которые должны есть до отвала¹⁰. И хозяин в таком случае будет понуждать сотрапезников, прибегая к другой поговорке: *Против сытости не спорим, а бесчестья на хозяина не кладите* (Даль ПРН 3: 285). Философия гостеприимства рассматривает честь как обоюдную ценность: почет гостю делает честь прежде всего самому хозяину: *Гостю почет – хозяину честь* (Даль 3: 371). И у гостя нет другого выхода, как принять почесть и есть и пить, пока у него хватает сил.

Честь-девственность

Честь как концепт ритуала гостеприимства приобретает особое значение в рамках свадьбы. Брак, заключенный с согласия родителей, обозначается как *свадьба с честью, с почистью*, в противоположность ей свадьба без согласия – *сбегловая свадьба* (долина Амура, Бурятия, СРНГ 36: 201; СГССЗ: 417).

В свете свадебной проблематики два основных понятия оказываются в центре внимания на Русском Севере – *честь* и *слава*. В поговорках они могут ассоциироваться с детьми разных полов: *сынами славен, дочерьми честен*. Впрочем слава может также ассоциироваться с дочерьми: *Богат сыновьями, славен дочерьми* (Даль 4: 375).

В отличие от *славы*, которая ассоциируется с репутацией, хорошей или дурной, *честь* в предбрачном цикле имеет более узкое значение: это успех у противоположного пола, который способствует вступлению в брак, ср. с.-рус. *в честь прийти* 'понравиться' (СРГК 6: 783). Так, молодого человека, ухаживающего за девушкой, называют *почетник, почётник*, а саму девушку, удостоенную внимания, – *почетница, почётница* (моск., калуж., костром., волог., ярослав., СРНГ 31: 9; Волоцкой 1902: 69), ср. «Находи *почётника* и здесь замуж выходи» (костром., ЛКТЭ).

В случае же если девушка не имеет успеха у мужского пола, говорят: «Девку никто не берет, засадили девку, *честь нет*» (Карелия). Исправить сложившуюся ситуацию можно лишь с помощью магических

¹⁰ Ср. также указание хозяину: *Гостя потчуй, покуда через губу не перенесет* (Даль 1993: 285).

средств. Так, в Карелии обращаются к «специалистам» по любовной магии и просят их *наложить честь*. «Ну, вот есть некотора некрасива, а ей нужно, чтоб парни любили, так самой худой и то старушки *честь наложат*, говорили что» (СРГК 3: 350).

Одна из главных проблем свадьбы – правильная передача чести из семьи невесты в семью жениха (Kabakova 2000: 173). Обмен супругами сопровождается обменом материальных и нематериальных ценностей. Среди «свадебных» значений *чести* и ее производных – *честь* ‘приданое’ (волог.) и *бесчестье* ‘плата за невесту’ (вят., СРНГ 2: 283, с пометкой «шут.»). Как и во многих других традициях, у русских *честь* отождествляется с девственностью невесты¹¹, поэтому невесту девственницу называют *честная, очестливая* (Русская свадьба 1: 42). *Честью* называют и ее рубашку со следами крови, которую она передает свекрови в виде доказательства своей «девственности», свекровь же предьявляет ее гостям (казан., Зорин 2001: 92), ср. с.-рус. *на честь пойти* ‘в свадебном ритуале: показать целомудрие невесты’ (СРГК 6: 783). Другим предметом, символизирующим невинность новобрачной, является *честной* – ‘длинный белый вязаный колпак, который прикрывает косы невесты’, поскольку именно прическа и головной убор отражают семейный статус женщины (волог., Крылова 2009: 146).

Поскольку главными гарантами сохранения девичьей чести выступают ее родители, им же в случае благополучного исхода предназначаются основные почести, отсюда и их названия *почёсные* (смолен., Добровольский 1914: 692), а также *почестные* ‘родственники невесты присутствующие на свадьбе’ в отличие от *поезжан* ‘родственников жениха на свадьбе’ (калуж.). В свою очередь торжества у родителей невесты обозначаются как *гульба с почестными, ехать в почестные* (калуж., Шереметьева 1928: 37, 42, 48). Бывает, что термин *честна* обозначает и родственницу жениха, в частности его сестру, в таком случае ей отводится самое почетное место на обеде, устраиваемом за три дня до свадьбы (Карелия, Русская свадьба 1: 37), ср. также *чещане* ‘гости на свадьбе’ (арханг., КСРГС).

Комментарий автора словаря ростовского говора Волоцкого проливает свет на непосредственную связь между честью молодой и почестями, оказанными гостям: *почестье* ‘вечер наутро после брака. В стари-

¹¹ Анализируя значение девственности в полесской традиции, мы подчеркнули то обстоятельство, что для семей самым главным было быть уверенным в законности будущего потомства. Поскольку мальчики ценились больше девочек, рождение первенца-сына могло истолковываться как доказательство девственности молодых при вступлении в брак (калуж., Шереметьева 1928: 62).

ну устраивалось только в том случае, если невеста оказывалась *честною*' (ярослав., Волоцкой 1902: 69). Кроме широко распространенного на Русском Севере и в Центре термина *почётсье*, *почестье* 'угощение у жениха или невесты после венчания' целый ряд терминов, образованных от *чест-*, относятся к разным свадебным празднествам: *честенье* 'угощение в первый базарный день отцом жениха сватьев – родных невесты, после которого брачный договор считается заключенным' (владимир., Быт 1993: 249), *почёс(т)но*, *почётный стол*, *почётсье* 'обеденный стол у жениха после зарученья; обеденный стол у новобрачных после свадьбы, а иногда у родителей молодой для родственников молодого' (арханг., Подвысоцкий 1885: 135), *почесна*, *почосна* 'праздничный стол во время свадьбы, за который приглашаются все гости' (арханг., КСРГС), *пачёсны* 'вечер третьего дня' (перм., Черных 2001: 140); *почесть* 'угощение, обед в доме родителей невесты через неделю после свадьбы' (твер., СРНГ 31: 6), *почестка* 'свадебное угощение' (твер., моск., СРНГ 30: 384), *почес(т)ье* «вечеринка перед свадьбой или после, угощение у невесты на второй день' (моск., ярослав., ЯОС 8: 78, Войтенко 1993: 175), *честь* 'угощение на следующее утро после свадьбы' (ярослав., ЯОС 10: 577), *чести* 'обед родителей невесты у жениха' (беломор., Мызников 2010: 471), *почётный пир* 'пир у невесты' (ульянов., <http://russwedding.narod.ru/Marriage/Dictionary/P/P.htm>), *почестный стол* 'угощение на второй день свадьбы' (моск., Войтенко 1993: 175), *почётный (почестной) (стол)* 'угощение в доме жениха после обручения; угощение, обед на второй день свадьбы у новобрачных или в доме родителей невесты' (арханг.), *почетники* 'прием и угощение родственников невесты в доме родителей жениха после венчания' (волог., СРНГ 31: 6, 9), *почестник* 'угощение в доме молодых на второй день' (нижегород., Нижегородская свадьба 1998: 88), *прочестье* 'угощение тестя и тещи молодым после венчания' (арханг., Подвысоцкий 1885: 142) или на третий день (вологод., СРНГ 33: 39), *почетный день* 'второй день свадьбы', ср. «На пачётный день мьлады далжны к родителям невесты итить, пачёт им аддать» (орл., Костромичева 1998: 105), *почеститься* 'отобедать на второй день свадьбы у родителей невесты' (костром., СРНГ 30: 384). Возвратный глагол *честиться* означает 'гостить по очереди у жениха и невесты' (ленинград., СРГК 6: 783).

Сват приходит в церковь и приносит с собой *честь*, которая состоит из почетного блюда – куски мяса, *кряного* пирога с изюмом и бутылки водки. Эти подношения предназначаются причту (волог., Русские крестьяне 5/2: 41). К многообразным свадебным значениям *чести* и ее производных можно добавить еще обряд *почесное*. Он заключается

в том, что каждой семейной паре подается кусок почки. Прежде чем поделиться им с супругой, муж заставляет ее поклониться ему и даже проползти на животе (ярослав., ЯОС 8: 78), как если бы каждая свадьба становилась предлогом для демонстрации всему сообществу образцового почитания супруга.

Так понятие чести актуализируется на каждом торжестве. Язык описывает основные элементы, составляющие прием, раскрывая их глубинный смысл с помощью лексемы *честь* и ее производных. Речь идет как о материальных предметах (почетное место, угощение в целом и отдельные самые престижные блюда), участниках (гостях), но также и нематериальных (приглашение, встреча, уважение, правильный ход банкета). Хозяин оптимизирует свой «социальный капитал», демонстрируя щедрость и радушие. Гость должен принять дары, тем самым он оказывает честь хозяину-дарителю. В конце концов хозяин выходит победителем, поскольку именно ему удается навязать свою волю гостю. В случае свадьбы реализуется и значение чести как девственности. Она становится настоящей ценностью лишь в процессе передачи в другую семью, участвуя в создании новой семейной чести.

Литература

- Быт 1993 – *Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии)*, Санкт-Петербург.
- Васнецов Н. М., 1907, *Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора*, Вятка.
- Войтенко А., 1993, *Что двор, то говор*, Москва.
- Волоцкой В., 1902, *Словарь ростовского говора*, [в:] СБОРЯС, т. 72, вып. 3, с. 1–115.
- Гемп К. П., 2004, *Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений*, Москва, Архангельск.
- Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, изд. 2, т. 1–4, Санкт-Петербург–Москва, 1880–1882 [Фотомеханическое воспроизведение: Москва, 1978–1980].
- Даль В. И., 1993, *Пословицы русского народа*, т. 3, Москва.
- Добровольский В. Н., 1914, *Смоленский областной словарь*, Смоленск.
- Домострой 1990 – *Домострой*, сост. В. В. Колесова, Москва.
- Дуров И. М., 2011, *Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении*, Петрозаводск.
- Зорин Н. В., 2001, *Русский свадебный ритуал*, Москва.
- КА – Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ (лаборатория фольклора РГГУ, Москва).
- КАОС – Картотека Архангельского областного словаря (МГУ, Москва).
- Костромичева М. В., 1998, *Словарь свадебной лексики Орловщины*, Орел.

- Крылова О. Н., 2009, *Женские головные уборы на русском Севере: этнолингвистические аспекты*, [в:] *Этнолингвистика. Ономастиология. Этимология*, Екатеринбург, с. 146–147.
- КСРГС – Картоотека Словаря русских говоров Севера (Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского гос. ун-та, Екатеринбург).
- КЭИС – Картоотека этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области (Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского гос. ун-та, Екатеринбург).
- ЛКТЭ – Лексическая картоотека Топонимической экспедиции УрГУ (Кафедра русского языка и общего языкознания Уральского гос. ун-та, Екатеринбург).
- Лотман Ю. М., 1993а, *Об оппозиции честь-слава в светских текстах Киевского периода*, [в:] *Избранные статьи*, т. 3, Таллин, с. 111–120.
- Лотман Ю. М., 1993б, *Еще раз о понятиях „слава” и „честь” в текстах Киевского периода*, [в:] *Избранные статьи*, т. 3, Таллин, с. 121–126.
- Манаенкова А. Ф., 1989, *Словарь русских говоров Белоруссии*, Минск.
- Мороз А. Б., 2008, *Стол в севернорусских поверьях и обрядах*, [в:] *Традиционное русское застолье*, Москва, с. 36–43.
- Морозов И. А., Слепцова И. С., 2001, *Рязанская традиционная культура, первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь*, Рязань.
- Мызников С. А., 2010, *Русские говоры Беломорья: Материалы для словаря*, Санкт-Петербург.
- Нижегородская свадьба 1998 – *Нижегородская свадьба*, Санкт-Петербург.
- НОС – *Новгородский областной словарь*, вып. 1–12, Новгород 1992–2000.
- Подвысоцкий А. И., 1885, *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*, Санкт-Петербург.
- Русская свадьба 2000 – *Русская свадьба*, т. 1–2, Москва.
- Русские крестьяне – *Русские крестьяне. Жизнь, быт, нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева*, т. 1–, Санкт-Петербург 2006–.
- СВГ – *Словарь вологодских говоров*, т. 1–12, Вологда 1983–2007.
- СГССЗ – *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья*, Новосибирск 1999.
- Снегирев И. М., 1999, *Русские народные пословицы и притчи*, Москва.
- СРГА – *Словарь русских говоров Алтая*, т. 1–4, Барнаул 1993–1998.
- СРГЗ – Элиасов Л. Е., *Словарь русских говоров Забайкалья*, Москва 1980.
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, т. 1–6, Санкт-Петербург 1994–2005.
- СРДГ – *Словарь русских донских говоров*, т. 1–3, Ростов 1975–1976.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–, Ленинград 1965–.
- Традиционный фольклор 2006 – *Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 гг.*, под ред. М. Н. Власовой, В. Н. Жекулина, Санкт-Петербург.
- Фасмер М., 1987, *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, Москва.
- Черных А. В., 2001, *Кудинская свадьба*, Пермь.
- Шереметьева М. Е., 1928, *Свадьба в Гамаюнцине Калужского уезда*, Калуга.
- ЯОС – *Ярославский областной словарь*, вып. 1–10, Ярославль 1981–1991.
- Kabakova G., 2000, *Anthropologie du corps féminin dans le monde slave*, Paris–Montréal.
- Pitt-Rivers J., 1983, *Anthropologie de l'honneur: La mésaventure de Sichem*, Paris.

THE RUSSIAN CONCEPT OF ČEST' IN THE RITUAL OF RECEIVING GUESTS

The Russian concept of ČEST', originally associated with remuneration for services to one's feudal lord, used to contrast with the spiritual understanding of SLAVA. With time, differences between the two concepts became obliterated: in Classicism they functioned as synonyms, in the Enlightenment ČEST' was associated with the era in decline.

With these differences in mind, the author analyzes the Teshen archive, asks how Russian peasants protect their "čest'", and where they see it lacking. It is observed that the notion of ČEST' is captured in a series of rules that constitute a peculiar unwritten code. In the context of interacting with guests, ČEST' is connected with a certain order of inviting and receiving them, the giving of gift, entertaining and seating one's guests behind the table. Proverbs also reveal a clear link between ČEST' and VOLYA (will) as another important concept of traditional Russian culture (cf. *Gostyu čest', koli volya est'* 'Respect to the guest, if there's a will').

ČEST' is actualized during each ceremonial reception: it involves material aspects, such as an honorable place behind the table or special food, as well as aspects of behaviour, such as inviting and welcoming the guests, respect towards them and the appropriate course of events during a ceremonial meal. The hosts demonstrate their generosity and kindness. The guests should accept the gifts offered in order to show ČEST' to their gift-givers.

KEY WORDS: Russian linguistic etiquette, dignity, hospitality